

высказывания привносит субъективные аспекты значения соответствующему моменту и ситуации. Он вкладывает смысл в определенные единицы языка в конкретной речевой ситуации под влиянием мотива и цели своего речевого поступка.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что заявленный в теме статьи проблемный вопрос может быть в первую очередь разрешен путем выхода за узкие рам-

ки системоцентрических концепций. Адекватная интерпретация природы субъективного, а также понимание того, что субъективный компонент входит в содержание всего того, о чём мы говорим и думаем, позволит пролить свет на специфику субъективных личностных смыслов, что, в свою очередь, поможет избавиться от недопониманий, искажения смыслов, которые могут возникнуть в процессе коммуникативной деятельности.

Библиографический список

1. Выготский Л.С. *Исторический смысл психологического кризиса*. Собрание сочинений: в 6 т. Москва, 1982; Т. 1.
2. Соколова Е.Е. *Введение в психологию: учебник для студентов высших учебных заведений*. Москва, 2005.
3. Козлова Л.А. *Этнокультурный потенциал грамматического строя языка и его реализация в грамматике говорящего*: монография. Барнаул: Алтайская государственная педагогическая академия, 2012.
4. Jacobs V. *English Syntax. A Grammar for English Language Professionals*. Oxford University Press, 1995.
5. Гуревич В.В. *Теоретическая грамматика английского языка. Сравнительная типология английского и русского языков*: Учебное пособие. Москва 2003.
6. Бенвенист Э. *Общая лингвистика*. Москва: «Прогресс», 1974.
7. Львовская З.Д. *Теоретические проблемы перевода* (на материале испанского языка). Москва, 1985.
8. Кобозева И.М. *Лингвистическая семантика: учебное пособие*. Москва, 2000.
9. Леонтьев А.Н. *Деятельность. Сознание. Личность*. Москва, 2005.
10. Леонтьев А.А. *Психология общения*. Тарту, 1974.
11. Лурья А.Р. *Язык и сознание*. Под редакцией Е.Д. Хомской. Ростов-на-Дону: Издательство «Феникс», 1998.
12. *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English*. Oxford: Oxford University Press, 2010.

References

1. Vygotskij L.S. *Istoricheskij smysl psihologicheskogo krizisa*. Sbornie sochinenij: v 6. t. Moskva, 1982; T. 1.
2. Sokolova E.E. *Vvedenie v psihologiju: uchebnik dlya studentov vysshih uchebnyh zavedenij*. Moskva, 2005.
3. Kozlova L.A. *'Etnokul'turnyj potencial grammaticheskogo stroja yazyka i ego realizaciya v grammatike govoryaschego*: monografiya. Barnaul: Altajskaya gosudarstvennaya pedagogicheskaya akademiya, 2012.
4. Jacobs V. *English Syntax. A Grammar for English Language Professionals*. Oxford University Press, 1995.
5. Gurevich V.V. *Teoreticheskaya grammatika anglijskogo yazyka. Sravnitel'naya tipologiya anglijskogo i russkogo yazykov*: Uchebnoe posobie. Moskva 2003.
6. Benvenist E. *Obschaya lingvistika*. Moskva: «Progress», 1974.
7. L'vovskaya Z.D. *Teoreticheskie problemy perevoda* (na materiale ispanskogo yazyka). Moskva, 1985.
8. Kobozeva I.M. *Lingvisticheskaya semantika: uchebnoe posobie*. Moskva, 2000.
9. Leont'ev A.N. *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'*. Moskva, 2005.
10. Leont'ev A.A. *Psihologiya obscheniya*. Tartu, 1974.
11. Luriya A.R. *Yazyk i soznanie*. Pod redakciej E.D. Homskoj. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo «Feniks», 1998.
12. *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English*. Oxford: Oxford University Press, 2010.

Статья поступила в редакцию 28.01.16

УДК 82-5

Homich E.P., Cand. of Sciences (Philology), Professor, Department of Literature, Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia), E-mail: emiliahomich@yandex.ru

THE PROBLEM FIELD OF JUVENILE LITERATURE. In the article the most complex type of literature for children – teen literature – is discussed. Since it refers to the contemporary period, the author briefly reminds the reader that not long ago it was not possible to talk about achievements in teen literature, because there was not many books in teen literature and their quality was poor. The problem is considered with reference to books with indicated addressing in translation. The new literature has overcome the difficulties of the previous period. The author proves conclusively the consistency of the works with the indicated subject. A great deal of attention is given to a new type of a teenager and it is considered that the presence of that type of a teenager change the way of narration, the attention of an author and the perception of a character by a reader. The advantages of the contemporary literature for teenagers, which are pointed out in the analytic overview of the article, make it possible to predict a successful dynamics.

Key words: area of conflict, problem of growing up, types of conflict, teen prose, new type of teenagers, new literature, juvenile book in translation.

Э.П. Хомич, канд. филол. наук, проф. каф. литературы, ФГБОУ ВО «Алтайский государственный педагогический университет», г. Барнаул, E-mail: emiliahomich@yandex.ru

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ПОДРОСКОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В статье на обсуждение выносятся самый сложный вид литературы для детей – подростковая проза. Поскольку речь идёт о современном периоде, автор буквально в нескольких словах напоминает читателям, что ещё совсем недавно о подростковой литературе с позиции её достижений говорить не представлялось возможным: и книг было немного, и качество желало лучшего. Состояние вопроса рассматривалось на примерах переводной литературы указанной адресации. Новейшая литература преодолела трудности предыдущего периода. Автор, обращаясь к произведениям обозначенной тематики, убедительно доказывает их состоятельность. Большое внимание уделяет подростку нового типа и считает, что его появление меняет характер повествования, отношение автора и восприятие героя читателем. Достоинства современной литературы для подростка в аналитическом обзоре статьи прогнозируют успешную динамику.

Ключевые слова: территория конфликта, проблема взросления, типология конфликта, подростковая проза, подросток нового типа, новейшая литература, переводная детская литература.

*Одиночество я люблю,
а быть одиночкой – нет,
но мало кто понимает разницу*
Ольга Черенцова. Изгой

Современная проза о подростке – предмет дискуссионный. В центре внимания два аспекта обсуждения: подростковая литература как «территория конфликта» и «позитивное взросление» подростка. Выделенные аспекты литературы выступают результатом поиска ею способов изображения подростка нового времени. Не претендуя на истину в последней инстанции, выразим свое видение литературной ситуации.

В моделировании литературного процесса большое значение имеет двоемирие литературы адресата, в том числе, адресата-подростка. С его помощью можно выявить персональные особенности подростковой прозы, ее жанровую и текстовую традицию, т. е. изучить явление в филологическом пространстве. Мир детский и мир взрослый – типологические составляющие «литературного детства», их бинарность исходно конфликтна, особенно остро конфликтна в случае с подростковой литературой. Современные исследователи считают её «территорией конфликта», писатели называют «минным полем» [1].

Еще совсем недавно критика отмечала дефицит книг подростковой адресации, сегодня ставится вопрос о подростке нового типа, исследуется типология конфликта, называются открытия и завоевания. Специалисты рассматривают подростковую книгу как попытку «рассказать о какой-то части проблем, так или иначе затрагивающих людей от десяти до шестнадцати лет». Современный тип подростка имеет определённый комплекс неполноценности, а то и несколько комплексов, но наиболее часто встречаемый – «вечный неудачник»: угнетённая психика, неверие в собственные силы и т. п. Как правило, неудачник комплексует и по поводу внешнего вида и физической слабости – комплекс «гадкого утенка». Тип неудачника «расплодился»: в России – это «лох», или неудачник со стажем, в Америке – «лузер», или проигравший, однако и в том и в другом случае одинаково обидное слово – «слабак». Слабых жалеют, а жалость для подростка унижительна. Признать за собой слабость – в этом сила литературного подростка, во всяком случае, показатель реальной самооценки.

Итак, в детской книге, адресованной подростку, обозначился новый подход к изображению героя. Литературный подросток освобождается от пафоса и патетики, а главное – он активно ищет общения со сверстниками, не пренебрегает повседневностью, энергичен и адекватен. В поисках диалога роман о подростке обретает коммуникативную природу и словоохотливый (коммуникабельный) герой. Таков, например, герой шведского писателя Ульфа Старка («Пусть танцуют белые медведи»). Обычный в изображении автора подросток – оболтус (ленивец), но при этом способный развиваться личностно, представлен читателю без глянца и парадности, ибо на кону детско-юношеской литературы сегодня другие ценности. Разрушается тип героя одной идеи, подросток обретает креативность и становится более убедительным. Жанровые изменения тоже показательны: персонаж подросток «дорос» до жанровой формы романа.

В современной отечественной литературе новый тип подростка связан с именем Эдуарда Веркина. Его роман «Друг апрель» [2] рассказывает о повседневной жизни героя столь достоверно, что достигает необычного результата: читатель, пережив потрясения вместе с героем, оказывается способным формировать свое мнение и отстаивать его. Автор исследует становление личности в период переживания героем первой любви, а также анализирует результат борьбы с обстоятельствами и «непреложными законами жизни». Сдержанный психологизм, характерный для прозы Веркина, соответствует характеру «закрытого» героя.

«Друг апрель» написан в манере, близкой дневниковой и, хотя повествование дано не от первого лица, сохраняется стойкий эффект дневника. Иван (по прозвищу «Аксен»), пожалуй, самый сдержанный и замкнутый подросток из всех представленных современной прозой. Не идеализируя своего героя, автор делает всё, чтобы тот выглядел достойно. Тип упрямого подростка, бесстрашно сражающегося с «гидрой жизни», но трогательно робкого в любви. Главная сюжетная линия – линия представленных ожиданий. Вектор любви, о которой «дежурный по апрелю» так и не скажет, слова уйдут в подтекст вместе с «очень важным, очень главным», но неотправленным письмом. Поэтика обыкновенного

(повседневного) в сочетании с глубоким психологизмом – главное завоевание современной прозы о подростке..

В новой литературе формируется подростковая типология конфликтов. Самые распространенные среди них: дисциплинарный, особенно характерный для «школьных историй» Андрея Жвалевского и Евгении Пастернак («Время всегда хорошее», «Гимназия № 13», «Я хочу в школу» и др.), семейный («Пучеглазый» Энн Файн, «Разрисованная мама» Жаклин Уилсон), межличностный конфликт (борьба лидеров и аутсайдеров).

Смена типа подростка происходит, как правило, в контексте идеологии, а значит, в контексте эпохи, в контексте социализации. Негероическая эпоха, однообразная повседневность и уходящая традиция – все это стало предпосылкой появления типа «слабака» из «Дневника слабака» Дж. Кинни и типа «изгой» из романа «Изгой» Ольги Черенцовой.

Ник (так зовут героя «Изгой») восстаёт против деспотии отца, не ладит со сверстниками и ссорится с соседями. Одиночество вызывает в нем ощущение клетки, из которой он тщетно пытается вырваться. Стереотип символа воспринимается как полемический прием. Двоемирие в детско-подростковой литературе имеет другой смысл, нежели в литературе романтизма, а именно: обозначает два мира, взрослый и детский. В «Изгое» их противоречия представлены достаточно жестко и категорично уже в самом начале повествования: «Попасть в дом мне не удалось. Отец поменял все замки. Даже калитку забил. Заднюю дверь он тоже намертво запер» [4]. Конфликт отца и сына подчеркнuto непримиримый: это засвидетельствовано символическими деталями, воинствующими и замыкающими круг действия. Замки. Заборы. Коллекция оружия. Знаковые предметы закрывают хронотоп действия, делая его, казалось бы, герметично замкнутым. Закрытость, замкнутость присутствуют в разных формах выражения и в характеристике главных действующих лиц. «Это у нас семейное», – заметит Ник. Символы бытового и бытийного планов имеют еще и психологическую функцию: подчёркивают схожесть участников семейной драмы, их сдержанность и закрытость.

Ник признается, что культивирует протест против отца еще и потому, что не может ему простить страданий матери, сценарий которых составил он сам, руководствуясь собственными наблюдениями. Когда подросток обнаруживает «сочиненность» семейной драмы – лексемы раздражения, ярости, злобы переполняют и без того экспрессивную его речь глаголами психопатической окраски. «Еле сдерживая себя», «я взбесился», «задышавшись от ярости», «я вспыхивал и раздражался», «я с вызовом объявил»... «Его (отца – Э.Х.) нотации меня злили. Если бы он говорил живым человеческим языком, а не пичкал нравоучениями, я бы скорее его послушал». Коллекционируя обиды на отца, герой выплескивает их с чувством «нарастающей ярости» и только после этого видит свои ошибки и недостатки. «Я понял, что вел себя легкомысленно» [4]. Принимая решение во что бы то ни стало узнать правду, подросток готовится к встрече, как к сражению.

«Заврались мы все. У каждого свой обособленный мирок». «Я считал, что был для отца помехой, а он в свою очередь считал, что я его презираю». Новая, другая интерпретация сложных отношений порождает «конфликт по недоразумению» и заставляет заново пережить и осмыслить все противоречия. Эгоизм подростка выделен в тексте визуализацией личного местоимения «я». «Я без конца роюсь в прошлом, извожу себя, путаюсь во времени», – признается подросток. Большое значение в переосмыслении взаимоотношений двух поколений имеет коммуникативный тип повествования, благоприятный для диалога. Во всяком случае, свободный поток повествования спровоцировал Ника на «исследование с пристрастием». Результаты опять-таки подтверждают факт позитивного взросления героя, сумевшего «по-взрослому» осознать собственный эгоцентризм и сформулировать претензии в свой адрес. Аксиология проблемного поля порождает «стокгольмский синдром», потому как подросток, потерпевший фиаско, начинает любить все то, что ниспровергал: ловит себя на том, что любит своих родителей, что испытывает привязанность к отчужденному дому, что был слишком строг и не сдержан в суждениях и ни что иначе, как раскачивал матрициальные устои. «Я – за целостность семьи. Лучше пытаться сохранить, чем ломать», – мудро и мужественно признаёт он разрушительную силу своих заблуждений.

Проиграл или выиграл сражение Ник? Все разрешается, как во взрослой литературе: есть главный герой, и есть ожидание свидания как испытания героя. А открывается роман, если внимательный читатель успел заметить, тургеневской реминисценцией

(«Первая любовь»), ассоциация с методом «тайной психологии» – не столько полемика, сколько мотивация адресата. Любовь – тема итоговой главы с неожиданным названием «Луна».

Но прежде, подросток должен распутать клубок противоречий и предупредить депрессию. «Никто не может лишать себя жизни» – убеждение, к которому подросток пришел сам. «Самому надо действовать»(1). Как бы то ни было, проведенная подростками аналитическая работа прогнозирует симптоматику их взросления. Отсюда изменения в аксиологии финала, когда подросток, прозрев, переживает причастность к «ложному конфликту», осознает ответственность за «последствия», испытывает чувство вины перед близкими. Финал отсылает к началу романа, который открывается тургеневской реминисценцией («Первая любовь»), аллюзии, с ней связанные, прогнозируют конфликт соперничества. Версия разоблачения не подтвердилась, развязка, исключив любовный треугольник, предопределила неожиданый финал. Авторское определение «психологический роман» оправдано «тайной психологией», полемический смысл которой раскроется в финальной главе. В ней все типы взаимоотношений выстраивает любовь. Сблизится не всем удается, но полное примирение представляется возможным в том случае, если герои научатся любить и прощать людей.

В поэтике названия главы «луна» заявлена как символ женского и женственности, смысл которого раскрывается в финале романтического и «светлого текста». «Я смотрел на океан. Он был умиротворенным, спокойным, с плывущей по нему лунной дорожкой. Луна была невероятной ... Она покачивалась, глядя на меня вроде бы с лукавством, а потом передвинулась в сторону и уронила луч на остановившуюся фигурку» [4].

Если в начале романа Ник считает себя самостоятельной личностью и хочет доказать отцу личностную состоятельность, то в конце он намерен «доказать ему свою любовь» [4].

В борьбе со стереотипами на смену рефлектирующим персонажам пришли подростки, способные действовать. В детско-юношеской литературе стали появляться «действующие лица», готовые к преодолению своих комплексов. Символично то, что исчезает определение «трудный» по отношению к подростку, как чуть раньше исчезла привычка называть его «педагогически запущенным». Для подростка определение «трудный» имело полисемантическое значение, подразумевался не только негативизм поведения, но и культ отшельничества. «Одиночество я люблю, а быть одиночкой – нет, но мало кто понимает разницу». Замечание подростка Ника – факт его позитивного взросления. Такие метаморфозы повлекли за собой другие новации: уходят на периферию проблемного поля эпистолярные формы (письмо, дневник, записки), изменяется сам тон повествования, наблюдаются жанровые изменения. Вместо пафосного отношения к дневнику – легкое ироничное описание «важных» моментов «трудной» подростковой жизни.

Библиографический список

1. Веркин Э. *Мальчишка до 16 и старше*. Москва, 2015.
2. Веркин Э. *Друг апрель*. Москва, 2014.
3. Джефф Кинни. *Дневник слабака*. Москва, 2014.
4. Черенцова О. *Изгой*. Москва, 2014.
5. Иванова Л.Г. Говорить о сложном помогает книга. *Школьная библиотека*. 2015; № 5–6: 78 – 83.
6. Чудинова В.П. Оценка «качества» литературы для детей и подростков. *Школьная библиотека*. 2015; 1: 22 – 25.

References

1. Verkin E. *Mal'chishka do 16 i starshe*. Moskva, 2015.
2. Verkin E. *Drug april'*. Moskva, 2014.
3. Dzheff Kinni. *Dnevnik slabaka*. Moskva, 2014.
4. Cherenцова O. *Izgoj*. Moskva, 2014.
5. Ivanova L.G. Govorit' o slozhnom pomagaet kniga. *Shkol'naya biblioteka*. 2015; № 5-6: 78 – 83.
6. Chudinova V.P. Ocenka «kachestva» literatury dlya detej i podrostkov. *Shkol'naya biblioteka*. 2015; 1: 22 – 25.

Статья поступила в редакцию 20.01.16

УДК 811.512.141

Khuramshina A.R., postgraduate, Bashkir State Pedagogical University n.a. M. Akmulla (Ufa, Russia),
E-mail: kafedra_bmp@mail.ru

ANALYSIS OF COMMUNICATIVE INTENTIONS OF COMPLIMENTS IN BASHKIR CULTURE. The article is dedicated to compliments and how to increase their efficiency. Compliments can be given to a person of any sex and at any age, because everyone wants to hear something good about himself. The ability to speak honest and sincere compliments will help in social and personal life and in business. In addition, the article studies compliments in the Bashkir language, their national specifics in the Bashkir linguistic